

© 2012 г. Е.В. Резникова

УДК 81

ЛИЧНЫЕ МЕСТОИМЕННИЯ: К ВОПРОСУ ОБ ОБЪЕМЕ ПОНЯТИЯ

Раннее возникновение личных и указательных местоимений для подавляющего большинства языковых семей считается доказанным, причем многие авторы (Л. Грей, М. Бреаль, Э. Кассирер и др.) считают, что именно личные местоимения являются самой древней категорией слов (и среди них – личное местоимение 1-го лица). В то же время следует иметь в виду гипотезу, по которой развитие детского языка повторяет эволюцию языка вообще, как в биологии онтогенез – развитие индивидуального организма – повторяет филогенез – развитие вида. Наблюдения над детским языком заставляют предположить, что такие шифтеры, как личные местоимения, связаны с относительно поздним периодом развития естественного языка. Тем не менее во всех современных языках есть такие шифтеры, а в праязыках всех основных макросемей восстанавливаются личные местоимения 1-го и 2-го лица, а часто и связанные с ними грамматические аффиксы личных форм глагола. И именно эти элементы являются достаточно устойчивыми, прослеживаются в реликтовых формах всех языков и служат для классификации языковых семей [1].

В названии личных местоимений используется калька с латинского *persona*: ср. в славянских языках: чешское *personale, osobni zajmeno*, словацкое – *personale, osobni zameno*, польское – *zaimiek osobowy*, серболужицкое – *personalny pronomen, wosobowy naměstnik*; украинское – *особовий займенник*; белорусское – *асабовы займеннік*; болгарское – *лично местоимение*; македонское – *лична замена*; сербохорватское – *лична (особна) заменица/замене-ница*; словенское – *personale, osebni zaimiek*. Термин «личное местоимение» употребляется в узком и широком смыслах. В узком понимании этим термином обозначают лишь собственно-личные местоимения типа русских *я, ты* и т.д. В широком смысле – это любые местоимения, способные изменяться по лицам или составлять ряды местоимений, различающихся друг от друга по

указанию на грамматическое лицо типа *мой, твой*. Мы будем иметь в виду под личными местоимениями лишь собственно-личные местоимения.

Обычно отмечается, что своеобразие этого разряда местоимений состоит в обозначении человека только в одной, исключительно человеческой ситуации – речевой, где человек является либо субъектом речи, либо адресатом речи. По справедливому замечанию В.А. Плунгяна, традиционный термин «личные» не вполне удачен по отношению к местоимениям третьего лица. А сам термин «местоимение» плохо пригоден для обозначения локуторов (участников речевого акта) [2]. Дело в том, что, исходя из этимологии и внутренней формы термина, под местоимениями обычно понимают слова-заместители, в значении которых содержится отсылка к предыдущему упоминанию данного референта в тексте, в значении личных местоимений 1-го и 2-го лица такой отсылки не содержится: в нормальной ситуации они являются единственно возможными «чистыми» обозначениями вполне определенных референтов (локуторов). А поскольку обозначениями «не-лица» могут быть любые именные группы, только личные местоимения 3-го лица являются местоимениями в собственном смысле. Ср. также: «...местоимение *он* (-а, -о, -и), будучи широким по значению, должно быть квалифицировано как третий участник речевой ситуации: как личное, если соотносится с обозначенным человеком, и как источник действия, свойства, состояния, обозначенных глаголом, прилагательным и т.п., если соотносится с обозначенным неодушевленным предметом [3].

Во многих языках и культурах понятие *я* мыслится как по существу гораздо более широкое, чем то, к которому привычны люди, говорящие на современных европейских языках. *Я* может включать не только сознание, душу, тело человека, но и связанные с ним предметы и даже других людей, от этого *я* неотъемлемых. Например, в австронезийских языках Меланезии обозначения рыболовных снастей употребляются всегда с грамматическими суффиксами неотчуждаемой (неотъемлемой) принадлежности [1]. В индоевропейских языках одно местоимение первого лица множественного числа, в других языках – иначе. О.Есперсен пишет, что многие языки Африки различают исключаящую и включающую формы множественного числа местоимения *we* [4]. Это различие можно наблюдать в известном анекдоте о миссионере, который обратился к неграм со словами: «*Мы все грешники, и мы все нуждаемся в обращении в веру*», но, к несчастью, употребил вместо

включающей формы «мы» другую форму, которая означает ‘я и мои, но не вы, к кому я обращаюсь’

Личные местоимения не характеризуют объект на основании присущих ему свойств, не имеют постоянной денотативной соотнесенности. Как знаки особого типа, они несут специфическую информацию: так, местоимение *я* всегда показывает, что актант ситуации представлен как личность, и эта личность тождественна самому говорящему. Соотношение между личными местоимениями и неместоименным названием человека с дописьменных эпох сложилось так, что неместоименные названия практически оказались почти исключенными из употребления в акте общения двух современников, пользующихся устной речью. «Что сыграло в этом отношении наиболее важную роль – былая ли дейктичность личных местоимений или принцип экономии речи-мысли, приведший к закреплению в речевой практике более коротких (по сравнению с неместоименными названиями) местоимений личных, - не будем решать, но такое положение оказалось во всех языках мира. Вполне очевидно, что отправной единицей в создании подобного способа номинации был *говорящий* [выделено автором] человек как член определенного коллектива: для себя он был важен прежде всего по признаку говорения, хотя каждый человек может характеризоваться по чрезвычайно различным признакам; слушающий для него был важен тоже в первую очередь как собеседник, хотя это также не было его единственной характеристикой», – пишет М.В. Федорова [5].

По своим функциям личные местоимения 3-го лица наиболее близки к указательным местоимениям. Как указательные, так и личные местоимения 3-го лица относятся к тому, о ком говорят. Во многих языках (например, в русском, английском, немецком) личные местоимения 3-го лица относятся как к лицам, так и к предметам (и этим свойством они также напоминают указательные местоимения). Если личные местоимения 1-го и 2-го лица не могут замещать существительное, то для местоимений 3-го лица это обычная функция. Близость функций указательных местоимений и личных местоимений 3-го лица объясняется тем, что язык не особенно нуждается в создании специальной категории слов, используемых только в функции личных местоимений 3-го лица: вместо них могли использоваться и указательные местоимения. Не случайно, что во многих языках, относящихся к самым раз-

личным генетическим и ареальным группам, до настоящего времени не разграничиваются категории личных и указательных местоимений; во многих языках такое разграничение произошло сравнительно поздно.

В индоевропейских языках личные местоимения 3-го лица и указательные местоимения имеют явно общее происхождение. Так, русские местоимения *он, она, оно* во многом напоминают одно из местоимений, входившее в старославянскую систему указательных местоимений и утраченное русским языком (ср. устаревшие *оний, оная, оное* в значении 'тот', 'та', 'то'). Как и указательные местоимения, личные *он, она, оно* относятся как к лицам, так и к предметам. Если местоимения 1-го и 2-го лица противопоставлены местоимениям 3-го лица по признаку участия/неучастия в коммуникативном акте, то местоимения 1-го лица противопоставлены местоимениям 2-го лица по признаку производителя/адресата речи, которые в диалогической речи обратимы. «Первое противопоставление имеет также функциональный характер: местоимения 1-го и 2-го лица выполняют только дейктическую функцию, местоимения третьего лица – только анафорическую функцию, то есть эти местоимения всегда замещают имя лица или предмета, подразумеваемое или упомянутое» [6]. На этом основании первые указанный автор называет «местоимениями коммуникативного лица», а вторые – «местоимениями некоммуникативного лица или предмета» [6].

Даже местоимение 3-го лица в тексте вовсе не обязательно связано с анафорической функцией. Ср. анализ рассказа С. Ликока «His Little Son»: после шестикратного употребления местоимений *he* и *his* следует фраза: *And he's a boy you couldn't help noticing*, после чего дважды подряд употребляется существительное *boy* – *that boy* и *remarkable boy*, явно не способствующее раскрытию или уточнению содержания, передаваемого местоимением [7]. Дальше до конца рассказа используется только местоимение. Ясно, что местоимение *he* не замещает в тексте никакое существительное. Это местоимение может быть кореферентно целому ряду слов и именных групп, потенциально возможных в рассказе – *John, Dick, my son* и т.д. Тот факт, что ни одно существительное так и не употребляется, свидетельствует о том, что местоимение выступает здесь в своем собственном значении: *he* = тот, о ком я говорю. Таким образом, личное местоимение 3-го лица может употребляться в тексте и без опоры на имя существительное (хотя, конечно, для местоимения 3-го

лица это не самое типичное использование). Более типично повествование от первого лица, при этом «я авторского размышления» нигде не «разъясняется», то есть нигде ни разу не упоминается имя того, от чьего лица ведется повествование. В русском языке, где глаголы изменяются по родам, возможна хотя бы косвенная характеристика по роду, связанная с биологическим полом. В повествовании на английском языке может отсутствовать даже эта косвенная характеристика. Следовательно, местоимение первого лица используется в собственном значении – ‘автор речи’.

Особенностью синтагматики можно считать то, что в русском языке то обстоятельство, что предлог *среди* сочетается только с формами множественного числа, и может стать источником конфликта двух норм. Дело в том, что нормативные грамматики диктуют необходимость замены русского собирательного имени анафорическим местоимением только единственного числа (крестьянство = *оно*, не *они*). Однако как быть, если анафорическое местоимение соединяется с предлогом *среди*, требующим формы множественного числа? Ср.:

В комедии обличается провинциальное чиновничество. Среди них (среди него?) процветают взяточничество, беззаконие, произвол.

И.А.Высоцкая отметила, что в некоторых учебных пособиях по русскому языку, предназначенных школьникам и абитуриентам, в этом случае предлагается вариант с формой местоимения в единственном числе, что совершенно неправомерно [8]. И.А.Высоцкая справедливо указывает, что нарушение естественной для предлога *среди* сочетаемости никак не может считаться правильным, это сочетаемостное ограничение сильнее, чем правило о формальном соответствии антецедента и субститута, которое достаточно часто нарушается в русском языке.

ЛИТЕРАТУРА

1. Иванов В.В. Чет и нечет // Иванов В. В. Избранные труды по семиотике и истории культуры. Т. 1. М., 1998.
2. Плунгян В.А. Общая морфология. Введение в проблематику. М., 2003.
3. Местоимения в современном русском языке: учебное пособие / А.М. Чепасова, Л.Д. Игнатьева, Ж.З. Мительская. М., 2007.

4. Есперсен О. Философия грамматики. М., 2002.
5. Федорова М.В. Лексико-грамматические очерки по истории русских местоимений. Воронеж, 1965.
6. Шелякин М.А. Русские местоимения: значение, грамматические формы, употребление). Материалы к спецкурсу «Функциональная грамматика русского языка». Тарту, 1986.
7. Петрова О.В. Местоимения в системе функционально-семантических классов слов. Воронеж, 1989.
8. Высоцкая И.А. Русское собирательное имя в лингвопрагматическом аспекте. Ростов н/Д., 2002.

L I T E R A T U R E

1. Ivanov V.V. Chet i nechet // Ivanov V. V. Izbrannye trudy po semiotike i istorii kul'tury. T. 1. M., 1998.
2. Plungyan V.A. Obshaya morfologiya. Vvedenie v problematiku. M., 2003.
3. Mestoimeniya v sovremennom russkom yazyke: uchebnoe posobie / A.M. Chepasova, L.D. Ignat'eva, Zh.Z. Mitel'skaya. M., 2007.
4. Espersen O. Filosofiya grammatiki. M., 2002.
5. Fedorova M.V. Leksiko-grammaticheskie ocherki po istorii russkih mestoimenii. Voronezh, 1965.
6. Shelyakin M.A. Russkie mestoimeniya: znachenie, grammaticheskie formy, upotreblenie). Materialy k speckursu «Funkcional'naya grammatika russkogo yazyka». Tartu, 1986.
7. Petrova O.V. Mestoimeniya v sisteme funkcional'no-semanticheskikh klassov slov. Voronezh, 1989.
8. Vysockaya I.A. Russkoe sobiratel'noe imya v lingvopragmaticheskom aspekte. Rostov n/D., 2002.

Педагогический институт

Южного федерального университета

12 января 2012 г.